

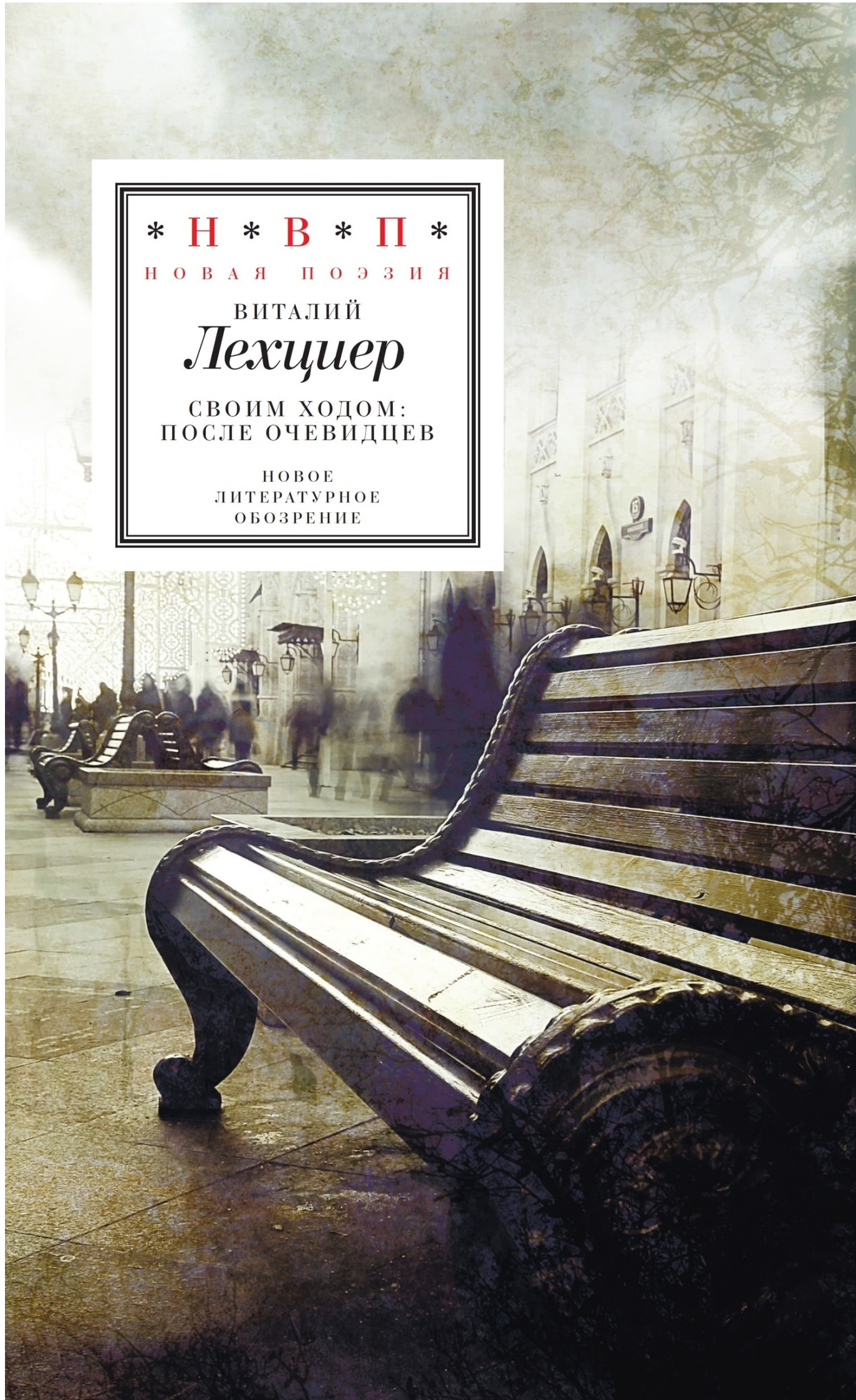
* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

ВИТАЛИЙ
Лехциер

СВОИМ ХОДОМ:
ПОСЛЕ ОЧЕВИДЦЕВ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Новая поэзия (Новое литературное обозрение)

Виталий Лехциер

Своим ходом: после очевидцев

«НЛО»

2019

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Лехциер В. Л.

Своим ходом: после очевидцев / В. Л. Лехциер — «НЛО»,
2019 — (Новая поэзия (Новое литературное обозрение))

ISBN 978-5-4448-1044-6

Виталий Лехциер родился в 1970 году в Ташаузе, живет в Самаре. Окончил Самарский университет, преподает там же, доктор философских наук, профессор, автор нескольких монографий. Опубликовал шесть книг стихов. Соредактор электронного литературно-художественного журнала «Цирк-Олимп+TV» и одноименной книжной поэтической серии.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4448-1044-6

© Лехциер В. Л., 2019
© НЛО, 2019

Содержание

Такая ситуация	6
Можем ли мы надеяться?	9
Приёмный близнец	9
«это было так мило...»	10
Emplotment	11
Parallel chart (отчёты о занятии)	13
«полное, грузное тело, смотри...»	15
«после димедрола оказывается...»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виталий Лехциер

Своим ходом: после очевидцев

© В. Лехциер, 2019

© Д. Ларионов, предисловие, 2019

© Н. Савченкова, послесловие, 2019

© Виталина Лехциер, фото, 2016

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

Такая ситуация

Виталий Лехциер – профессор философии, и разговор о его поэтическом творчестве никак не может обойти вопрос о его связи с профессиональными занятиями автора, в разные годы включавшими феноменологическое понимание эстетики (монография «Введение в феноменологию художественного опыта», 2000), философский анализ медицинской антропологии (монография «Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины», 2018) и многое другое. Несомненно, связь есть. Конечно, Лехциер не пишет «некую специальную „философскую поэзию“»¹, но и не стремится к своеобразному «опрощению», которое присуще профессиональным философам, в свободное от работы время сочиняющим исповедальную лирику и искрометные стихи на случай. Оба этих способа письма неприемлемы для Лехциера не только в силу тривиальности, но и потому, что предполагают неизбежную иерархию, когда один из голосов (поэта или философа) оказывается солирующим, а стоящая за ним субъективность – ведущей. Тогда как «поэзия в эпоху постметафизического мышления», согласно Лехциеру, предполагает «субъективность не медиумическую, а алеаторическую, ситуативную, рождающуюся каждый раз заново на основе игры случайности и необходимости»².

Но как может быть репрезентирована подобная субъективность?

В процитированной статье Лехциер утверждает, перифразируя известные слова Всеволода Некрасова, что она «реализуется через ситуативный опыт поимки речи на поэзии». Подобная установка так или иначе оказала влияние на всю русскую поэзию 1990–2010-х, но в особенности – на ту её часть, которую можно назвать документально-критической: к ней можно отнести «Стихи о Первой Чеченской кампании» Михаила Сухотина, «Чужими словами» Станислава Львовского, поэмы Антона Очирова и Александра Авербуха, пространные верлибры Дмитрия Данилова. Конечно, каждый из этих авторов по-своему работает с чужой речью, подчеркивая её частное (реже) или историческое (чаще) измерение. Но объединяет их то, что обращение к документальной повестке для каждого из них – лишь один из возможных способов создания поэтических текстов, вызванный внеположными причинами. Лехциер же предлагает проект тотального документирования, не ограничивающийся только «внутренней речью» (как в случае Некрасова) или «чрезвычайной ситуацией» (как в случае Сухотина или Львовского). По сути, любая (частная или историческая) ситуация может и должна быть рассмотрена с разных сторон, а любой речевой фрагмент использован как документ, требующий подтверждения или опровержения при помощи другого документа. При этом всестороннее рассмотрение может быть выполнено только «своим ходом», без включения в уже существующие традиции документирования и практики памяти, почти всегда обслуживающие чужие идеологические и экономические интересы. Подобный подход практически не представлен в русской поэзии, но уже довольно давно практикуется в поэзии американской (являющейся объектом пристального исследовательского интереса Лехциера), где уже более ста лет существует традиция поэтического «освоения» разного рода документальных источников, позволяющих репрезентировать лингвистические особенности разных социальных групп. В поэтических же текстах Лехциера социальная природа звучащих «голосов» определяется не столько их классовой, культурной или этнической принадлежностью, сколько профессиональными и/или обыденными дискурсивными стратегиями, через которые мы и узнаем героя (который может

¹ Веденяпин Д. Предисловие // Лехциер В. Фарфоровая свадьба в Праге: Стихи. – Самара: Цирк Олимп+TV, 2013. (<http://www.cirkolimp-tv.ru/articles/454/predislovie-k-knige-vitaliya-lekhtsiera-farforovaya-svadba-v-prage>)

² Лехциер В. Поэзия в эпоху постметафизического мышления // Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 144–160. (<http://gifter.ru/archive/16830>)

быть врачом, публичным интеллектуалом, пострадавшим в сталинское время родственником поэта). Подобная не локализуемая в той или иной страте всеохватность, являясь важным пунктом коммуитаристской утопии Лехциера, отличает его как от русских, так и американских концептуалистов.

Итак, поэтическое творчество Виталия Лехциера – это продолжение его исследовательской работы, связанной с философским осмыслением антропологических теорий, придающих особое значение анализу коммуникативных ситуаций, которые сводят вместе социолога и информанта, врача и пациента, персонажа и его давно умершего родственника. При этом поэтический текст для Лехциера – не просто необязательные заметки на полях серьезной статьи или краткое изложение ее тезисов. Скорее, это попытка рассмотреть проблему с недоступной академическому взгляду стороны (можно сказать, что опубликованные в разных изданиях академический и поэтический тексты как бы перекрестно комментируют друг друга). Так, например, разбору понятийного неологизма *emplotment* посвящены и академическая статья³, и одноименный поэтический текст Лехциера: в первой он подробно рассматривает влияние феноменологической философии на теорию нарративного взаимодействия в медицинской практике, а во втором один из обсуждаемых в статье примеров, история некоего Стивена, постепенно «возвращающегося в мир людей» после тяжелейшей аварии, рассказывается с близкой дистанции. Лехциер предлагает переводить *emplotment* как «сюжетизацию», то есть проводимую под руководством психотерапевта практику ментальной реабилитации, позволяющую субъекту заново узнавать мир и находить слова для самых обыденных ситуаций:

*Донна спрашивает, прихорашивается ли он
для своей подружки, он сигналист, чтобы его
возили, терапевт соглашается, начинается
прогулка, они проезжают мимо основной палаты*

*тут он будет выпрямлять своё туловище
Стивен пишет, что хочет ещё покататься
Донна рассказывает про больницу, подходит
к окну – видит ли он здание компании Prudential?*

*когда он окрепнет, его заберёт семья
Донна везёт Стивена мимо комнаты медсестёр
Стивен пишет, не здесь ли сестра Бёрс, она
тут же обнаруживается, происходит тёплый разговор <...>*

Фиксируя подобные во многом парадоксальные формы коммуникации, Лехциер представляет их моделями социального взаимодействия, разворачивающегося в том или ином «пограничном» пространстве»: в случае Стивена – между жизнью и смертью. Надо сказать, что «жизнь» и «смерть» в поэтических текстах Лехциера – не только экзистенциальные данности, как можно было бы подумать, а социальные категории, для обсуждения которых поэт активно использует чужую речь, чьей фактурой буквально заворочен. При этом между повседневной речью, историческими документами, научными описаниями, публицистическими и философскими репликами, литературными пассажами не выстраивается иерархических отношений. Различные типы дискурса работают на создание «общей картины», которая рассматривается с максимально возможного количества ракурсов, от обыденного до научного. Вот характерный

³ Лехциер В. *Emplotment* и терапевтическое взаимодействие: феноменологические мотивы в медицинской антропологии Черилл Маттингли // *Horizon. Феноменологические исследования* № 1, 2017. С. 140–160.

пример, в котором один модус высказывания резко монтируется с другим, создавая своего рода мерцание между «ничьей» и «чьей-то» речью, развивающимися по собственным траекториям (или, как сказал бы сам Лехциер, ситуативно: «картина мира чинится на ходу»), но при этом не теряющими из виду содержащееся в тексте сообщение:

Генетическая паспортизация нарушает права
если она тотальна, если к ней принуждают

откроем *бутик молекулярный*, будем шить
по заказу индивидуальному, как велит нам
британский минздрав, поучаствуем в производстве

тревоги, каждому – по геному, от каждого –
по согласию на *предсказание*

<...>

превентивные меры ввергают в сознание угрозы

я хочу по старинке: узнать, опоздать, умереть

35-летняя Барбара, мать двух детей с нехорошей
семейной историей по линии рака
просит врача *промолчать* <...>

В центре данного поэтического текста – обсуждение одной из ключевых проблем биоэтики, в которое постепенно вплетаются проблемы, относящиеся к другим дисциплинам философской направленности. Причем данное обсуждение – не просто фабула текста, но, скорее, композиционная схема, позволяющая подчеркнуть ситуативность и интерактивность, возникающие в результате вовлечения читателя в полемическое пространство текста. Вообще «*homo polemicus*, для которого главное – уцелеть» – это не просто одна из важнейших фигур в поэтических и научных текстах Лехциера, но и единственно возможный сценарий поведения для интеллектуала в современном мире, тогда как молчание «*создает тиранию интимности, умолчания более нерелевантны, молчуны подозрительны*». При этом я бы не назвал поэзию Виталия Лехциера ангажированной в том смысле, который придают этому термину (пост)марксистские авторы: он не стремится защищать интересы того или иного социального класса, но, если угодно, отстаивает право на существование случайности, ситуативности, в которой могло бы возникнуть новое сообщество, где каждый без исключения голос будет услышан.

Денис Ларионов

Можем ли мы надеяться? (Медицинская антропология)

Приёмный близнец

Его мама отрицала эти школьные ярлыки
описывая его как *замедленного, своеобразного*
замедленные дети из бедных чернокожих районов –
в 90-х им ставили диагноз *задержка развития*
неспособность к обучению, записывали в категории
но он может слышать то, что не слышат другие
а это приёмный близнец, семейное изобретение
замедленному мы подбираем брата или сестру
семейная работа, я сама *приглядывала*
за тётей (на два года старше), ходила с ней
на занятия, *чтобы дети не очень дразнили*
другая мама говорит: *он становится мишенью*
не может войти в компанию
и она организовала магазинчик в доме
где он может продавать конфеты
и газировку соседским детям
отсчитывать сдачу, работать с деньгами
и дети его узнают, он учится навыкам
всё безнадёжно, если быть невнимательным
если педалировать драматическое неравенство
комбинацию бедности и расизма
инвалидности и социальных структур
медицина – верхушка айсберга
мы можем быть слепыми перед мощными
и невидимыми практиками надежды

«ЭТО БЫЛО ТАК МИЛО...»

*это было так мило
мы можем это исправить
ей очень понравился хирург
к которому ходила её дочь
он сказал: между прочим мы это исправим
супертехник, супермеханик
популярное восприятие тела
заменяют, ремонтируют
однако есть и ложные надежды
нереалистичные ожидания
коммуникация ломается
вырастают границы
пройдут годы, и она оценит
того, кто не стал обещать
просто не было в списке возможного
краткая история в космологическом нарративе
моральные пилигримы могут не вынести
своих мук*

Emplotment

У постели Стивена, вышедшего из комы
стоят медсестра и ещё три медика
они помогают ему перебраться в кресло
надевают тапочки, слушают лёгкие

он это делает впервые после аварии
он не хочет покидать кровать, но соглашается
пишет маркером на бумаге, подаёт
знаки большим пальцем – «да» или «нет»

время течёт линейно, события чередуются
медосмотр, помещение в инвалидное кресло
заранее запланированное осуществляется
согласно инструкциям, методично

но вот остаётся одна Донна, эрготерапевт
она даёт Стивену расчёску, просит причесаться
аргументирует упражнением в равновесии
он причёсывается с большим усилием

и вот ещё здесь – она указывает на места
которые он пропустил, а *медсёстры не дотянутся*
он просит бумагу, пишет, чтобы принесли
зеркало, терапевт ставит зеркало перед Стивеном

Донна спрашивает, *прихорашивается ли он*
для своей подружки, он сигнализирует, чтобы его
возили, терапевт соглашается, начинается
прогулка, они проезжают мимо основной палаты

тут он будет выпрямлять своё туловище
Стивен пишет, что хочет ещё покататься
Донна рассказывает про больницу, подходит
к окну – *видит ли он здание компании Prudential?*

когда он окрепнет, его заберёт семья
Донна везёт Стивена мимо комнаты медсестёр
Стивен пишет, *не здесь ли сестра Бёрс*, она
тут же обнаруживается, происходит тёплый разговор

мануальное «да» – на вопрос об усталости
ещё несколько минут – и прогулка заканчивается
помнит ли он свою палату? – Стивен показывает
пальцем, – такова в общих чертах *конфигурация*

причёсывание получает добавочное значение
не упражнение, а уже уход за собой, дальше –
взаимные отклики, ситуативные импровизации
исполнение сюжета *возвращения в мир людей*

Parallel chart (отчёты о занятии)

пробежка в пять миль
становится заметкой в рабочем дневнике

*неподходящий пациент – некоммуникабельный
огонёк в глазах, кивок головы, косой взгляд
семья производит хорошее впечатление
гипертрофия верхушки сердца
Лилиан – это интересно
между молотом и наковальней –
желудочно-кишечное кровотечение или инсульт
сын хочет поговорить о качестве жизни
он болен? знает ли он об этом?*

приложено стихотворение Дилана Томаса
«Do Not Go Gentle into That Good Night»

* * *

белый мужчина, выпускник
Лиги Плюща читает вслух
о своей бедной больной
чернокожей пациентке:

*я хочу стоять
перед лицом своего угасания
и непостоянства
собственного тела
так же, как и она
находясь при смерти
хочу быть похожим на неё
чтобы в моём сердце
было столько же доброты
когда я буду завершать
свой жизненный путь
часто думаю о том
как эта женщина
справляется со слабостью
и отчаянием, хочу
учиться, слушать
и понимать её*

* * *

не слишком ли вас это нагружает?

разглядела шутливую бога в носках
через два часа после обхода
он мог бы зайти в палату в защитной маске
сесть на подоконник
объяснить, почему
отправила маме заметки из рабочего дневника
заменяла страх щедростью
положением очевидца
наукой
отреклась от всякого смысла

мы все почувствовали себя шарлатанами

«полное, грузное тело, смотри...»

Посвящается моей бабушке Татьяне Соломоновне Цукерман

полное, грузное тело, смотри:
я расту обратно, разве я умещалась
когда-нибудь на этом диване?

это что, шутка? отвечает участковой
88, пора уже, столько не живут
раздражается, когда уточняют

слышит ли она дверной звонок издали
из комнат, в три пришла Инна – я ей открыла
и плетётся на кухню за мазью, вздыхает

кряхтит тяжело, ку-ран-тил, без очков я
одышка, и себе уже надоела, и детям
и зачем тратить деньги, ой сколько же

стоят лекарства, такой доктор, такой
вни-ма-тельный, татарин, он лечил меня
им все восхищались, перехватывает инициативу

интересуется сестрой участковой, мужем сестры
её племянником, соглашается на уколы рибоксина
нет, я хочу знать, Игорь с женой развёлся?

проводит, шмыгает, как девочка, вздрагивает
узор морщин, поджимаются губы, рефрен:
сколько можно уже и не надо так долго

через мгновение она – на капитанском мостике
стоит посреди комнаты, опёршись на стол
деловито: эта врач – такая болтушка!

поправляет плетёную салфетку, возвращает
её на место, а он наркоман, ни один
институт не окончил, кивает на заварочный

чайник: ты пьёшь вчерашний чай? а мама
убей её – не заставишь, раскачивается
на табуретке, потирает круглое белое колено

у всякого свои дурости, ты видал такое

«после димедрола оказывается...»

после димедрола оказывается
человек спит
лишь первые три-четыре часа
остальное он досыпает
в силу привычки
потому что ночь

когда заканчиваются носовые платки
нет большего утешения
чем жизнь других
через замочную скважину
телевизора
просачивающуюся в лобные доли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.